

Методологические подходы к изучению социального типа «чужак» в наследии Г. Зиммеля, А. Шюца

Гусак В. В., Институт социологии Национальной академии наук Украины

Статья посвящена сравнению методологических подходов к изучению социального типа «чужак» в теориях Г. Зиммеля, А. Шюца. Проведен сравнительный анализ, проанализированы сходство и развитие в методологических подходах теоретиков к изучению проблемы «чужака». В теории Зиммеля тип «чужак» анализируется как универсальный инструмент типизации личности (Другого) при взаимодействии. В феноменологическом подходе А. Шюца тип «чужак» рассматривается как инструмент для преодоления проблемы кризиса привычного мышления личности в типичной ситуации. Сравняются подходы теоретиков к раскрытию специфики взаимоотношений чужака и группы.

Раскрывается роль пространственных координат в процессе типизации. Показаны характерные различия между чужаком и членом группы / группой, с которой чужак намеревается сблизиться. Раскрыта специфика идентификации социального типа «чужак».

Раскрыта специфика восприятия чужака группой и восприятия самого чужака. Раскрывается роль культурного образца группы в процессе типизации и самотипизации личности. Показано значение разделенного и неразделенного опыта при восприятии Другого, а также влияние полученного неразделенного опыта с мы-группой («родной» группой) на идентификацию, влияние приобретенного опыта на трансформацию восприятия Другого и самовосприятие личности во временных координатах. Проанализирована роль обратимости внутреннего времени при получении нового опыта в процессе типизации.

Выявлено, что, как и Зиммель, Шюц рассматривает чуждость как инструмент интерпретации мира в целом. Выявлено, что оба теоретика показывают, что позиция «чужого» является типичной в повседневном взаимодействии.

Выявлено, что рост индивидуализации, увеличение количества групп, расширение пространственных координат, в которые входит и взаимодействует индивид, на которые указывает Зиммель, актуализируют универсальность типа «чужак». Выявлено, что такие изменения в обществе, как следствие, характеризуются особым восприятием Другого, возрастающим отчуждением одного индивида от другого, обезличиванием индивидуального при взаимодействии.

Показано, что типичность позиции чужака у Шюца связана с проблемой кризиса привычного мышления, сложным процессом освоения новых систем релевантности и схем знания при вхождении индивида в новую группу.

Охарактеризовано закономерности дальнейших трансформаций типа «чужак» / понятия чужести в социологической теории на примере жизненных стратегий личности З. Баумана. Выявлено, что зиммелевская форма чужого мимикрировала в текущей реальности и обрела легитимность через легитимацию самого процесса переходности из круга в круг.

Ключевые слова: *социальный тип «чужак»; процесс типизации Другого; самотипизация; система знаний; «культурный образец»; понятие «дома»; кризис привычного мышления; чужесть*

Methodological approaches to studying social type 'the stranger' in the heritage of G. Simmel, A. Schutz

Gusak V. V., Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine

The article is dedicated to comparison of methodological approaches to studying the social type of 'the stranger' in theories of Georg Simmel and Alfred Schutz. In the article, comparative analysis is performed, and similarity and development in the methodological approaches of the theoreticians towards studying of the issue of the stranger are analyzed. In Simmel's theory, the stranger is analyzed as a universal instrument of typification of an personality (the Other) in interaction. In the phenomenological approach of Schutz, the stranger type is viewed as an instrument for overcoming the problem of crisis of customary thinking of an personality in a typical situation. The approaches of the theoreticians to revealing specific nature of interaction of the stranger and the group are compared.

The article reveals the role of spatial coordinates in the process of typification. It also shows typical differences between the stranger and a member of the group / group the stranger intends to become closer to. Specifics of identifying the social type 'the stranger' is also revealed.

The article clarifies specifics of perception of the stranger by the group and perception of the stranger. The role of the cultural pattern of the group in the process of typification and self-typification of personality

is revealed. Significance of shared and not shared experience of perception of the Other and also influence of obtained unshared experience with we-group ('native' group) on identification, influence of obtained experience on transformation of perception of the Other and self-perception of an personality in time coordinates are shown. The role of reversibility of internal time in gaining new experience in the process of typification is analyzed.

It is revealed that Schutz, like Simmel, views strangeness as an instrument of world interpretation in general. Both theoreticians also show that the position of the stranger is typical in daily interaction.

The article shows that growth of individualization, increase of the number of groups, expansion of spatial coordinates an individual enters and interacts in to which Simmel points actualize universality of the stranger type. It is revealed that such changes in the society, as a result, are characterized by special perception of the Other, growing alienation of one individual from the other, depersonalization of the individual at interaction.

The article shows that Schutz's generic natural of the stranger's position is linked to the problem of crisis of customary way of thinking, complex process of adoption of new systems of relevance and schemes of knowledge at entry of an individual into a new group.

Common patterns of further transformations of the stranger type / notion of strangeness in sociological theory through the example of Zygmunt Bauman's life strategies of an personality are characterized. The article reveals that Simmel's form of the stranger blended into the current reality and became legitimate through legitimation of the very process of transitivity from circle to circle.

Keywords: *social type «stranger»; process of typification of the Other; self-typification; system of knowledge; «cultural pattern»; notion of «home»; crisis of habitual thinking; strangeness*

Методологічні підходи до вивчення соціального типу «чужинець» у спадщині Г. Зіммеля, А. Шюца

Гусак В. В., Інститут соціології Національної академії наук України

Стаття присвячена порівнянню методологічних підходів до вивчення соціального типу «чужинець» у теоріях Г. Зіммеля, А. Шюца. Проведено порівняльний аналіз, проаналізовано схожість та розвиток у методологічних підходах теоретиків до вивчення проблеми «чужинця». В теорії Зіммеля тип «чужинець» аналізується як універсальний інструмент типізації особистості (Іншого) при взаємодії. У феноменологічному підході А. Шюца тип «чужинець» розглядається як інструмент для подолання проблеми кризи звичного мислення особистості в типовій ситуації. Порівнюються підходи теоретиків до розкриття специфіки взаємовідносин чужинця та групи.

Розкривається роль просторових координат у процесі типізації. Показано характерні відмінності між чужинцем та членом групи / групою, з якими чужинець має намір зблизитися. Розкрито специфіку ідентифікації соціального типу «чужинець».

Розкрито специфіку сприйняття чужинця групою та сприйняття самого чужинця. Розкривається роль культурного зразка групи в процесі типізації та самотипізації особистості.

Показано значення розділеного та нерозділеного досвіду при сприйнятті Іншого, а також вплив отриманого нерозділеного досвіду з ми-групою («рідною» групою) на ідентифікацію, вплив набутого досвіду на трансформацію сприйняття Іншого та самосприйняття особистості у часових координатах. Проаналізовано роль зворотності внутрішнього часу при отриманні нового досвіду в процесі типізації.

Виявлено, що як і Зіммель, Шюц розглядає чужість як інструмент інтерпретації світу в цілому. Виявлено, що обидва теоретики показують, що позиція «чужого» є типовою у повсякденній взаємодії.

Виявлено, що зростання індивідуалізації, збільшення кількості груп, розширення просторових координат, в які входить та взаємодіє індивід, на які вказує Зіммель, актуалізують універсальність типу «чужинець». Виявлено, що такі зміни в суспільстві, як наслідок, характеризуються особливим сприйняттям Іншого, зростаючим відчуженням одного індивіда від іншого, знеособленням індивідуального при взаємодії.

Показано, що типовість позиції чужинця у Шюца пов'язана з проблемою кризи звичного мислення, складним процесом освоєння нових систем релевантності та схем знання при входженні індивіда в нову групу.

Охарактеризовано закономірності подальших трансформацій типу «чужинець» / поняття чужості в соціологічній теорії на прикладі життєвих стратегій особистості З. Баумана. Виявлено, що зіммелівська форма чужого мімікрувала в поточній реальності і знайшла легітимність через легітимацію самого процесу перехідності із кола в коло.

Ключові слова: *соціальний тип «чужинець»; процес типізації Іншого; самотипізація; система знань; «культурний зразок»; поняття «дому»; криза звичного мислення; чужість*

Постановка проблемы.

Анализ социального типа «чужак» позволяет раскрыть специфику типизации Другого и самотипизации личности в современном обществе. Хотя в повседневных взаимодействиях базовые категорий типизации / идентификации Свой-Чужой использовались с давних времен, теоретическая их разработка в социологии связана, прежде всего, с именами Зиммеля и Шюца. Предложенный ими методологический подход, основанный на выделении социального типа «чужак» как универсального инструмента типизации, актуален и сегодня. Процессы, обозначенные теоретиками, позволяют понять становление типичных форм взаимоотношений, специфику восприятия Другого и самовосприятия. Как инструмент анализа социальный тип «чужак» получил свое развитие в последующих теориях, которые фиксируют, прежде всего, трансформацию самого понятия чуждости. Намеченные в творчестве Зиммеля и Шюца возможности применения этого инструмента типизации позволяют выделить характерные черты типа личности и актуальны для анализа трансформирующегося общества. Обращение к анализу их наследия позволяет раскрыть возможности применения предложенных методологических инструментов для исследования влияния процессов трансформаций в обществе на формирование и изменение индивида.

Постановка задачи.

В связи с этим важной задачей является анализ становления категории социального типа «чужак» в социологии, прежде всего в творчестве Зиммеля и Шюца, а также рассмотрение дальнейшей трансформации представлений о чуждости в социологическом дискурсе. Ее решение предполагает необходимость коснуться вопросов исследования влияния культурно-исторического процесса на формирование, развитие и трансформацию процесса типизации личности. В этой связи необходимо проанализировать роль культурного образца группы и системы знания в процессе типизации и самотипизации личности, значение разделенного и неразделенного опыта при восприятии Другого, а также влияние полученного неразделенного опыта с мы-группой («родной» группой) на идентификацию, влияние приобретенного опыта на трансформацию восприятия Другого и самовосприятие личности во временных координатах.

Анализ последних исследований и публикаций.

К изучению проблемы «чужака» обращались многие исследователи. Прежде всего следует отметить респонзивную феноменологию Вальденфельса [3-4]. Исследования ученого направлены на изучение специфического социокультурного опыта «чужого», а также на выявление специфики трансформации чужести в современном мире. З. Бауман, анализируя современность, выделяет характерные жизненные стратегии, через которые проявляется трансформация формы чужого [2].

На примере чужака исследуется понятие границ и пространства, показана их роль при типизации Другого [1; 12], анализируется специфика взаимодействий группы и чужака [8]. Теоретический анализ понятия нетипичности проведен Е. Ярской-Смирновой и используется исследовательницей в изучении проблемы детской инвалидности [16]. В. Луков применяет тезаурусный подход к изучению типа «чужак» [9]. Е. Захарова раскрывает проблему становления цивилизационной идентичности путем противопоставления категорий Свой / Чужой [7]. И. Пахоловой проведен философский анализ оснований социокультурного опыта «чужого» [10-11].

Однако полноценное использование этого инструмента типизации в современных социологических исследованиях возможно лишь с опорой на классическое социологическое наследие. Это и обусловило **цель** нашего исследования – раскрыть возможности применения инструмента социального типа «чужак» для анализа форм взаимоотношений и способов восприятия Другого и самовосприятия.

Изложение основного материала исследования.

Типизация Другого у Зиммеля основана на близости / отдаленности социального круга, в который входит индивид. Он может либо полностью принадлежать к социальной группе, либо входить в нее только по роду деятельности, выполняя определенную функцию, либо вообще занимать враждебную сторону.

Зиммель анализирует такие социальные типы, как «бедняк», «чужак», «враг», для которых отчужденность, отдаленность Другого при взаимодействии является основной чертой. В работе «Экскурс о чужаке» тип «чужак» рассматривается как особая форма отношения и восприятия Другого [6]. Характерные и определяющие черты, отличающие восприятие Дру-

гого и определяющие взаимоотношение с ним как с «чужаком», со временем оформляются в некую схему восприятия, которая становится типичной формой взаимоотношений. При анализе «чужака» Зиммель показывает, что данный тип сформирован исторически и представлял первоначально определенные виды деятельности, например, торговец – самый древний вид деятельности. Тот, кто им занимался, расширял пространственные границы в ходе осуществления торговой деятельности и воспринимался как чужак в новых социальных группах. Также этот тип определялся историческим прошлым народа, например, европейские евреи, которые, исторически будучи «безземельными», не имели закрепленного места обитания, в большинстве случаев как раз и занимались торговлей, воспринимались как чужаки.

Зиммель замечает, что эти схемы построений взаимоотношений с «чужаком» в большей или меньшей мере характерны для всех людей и используются в разных ситуациях. Восприятие Другого как «чужака» является определяющим в характере взаимоотношений с ним. Тип «чужака» совмещает в себе оторванность, не закрепленность в пространственных координатах, определенное единство близости и удаленности.

Зиммель выделяет тип чужака как универсальный, развивая свое понимание типизации как инструмента организации социального взаимодействия [5]. Чужак, прежде всего, воспринимается как определенный тип вообще, типизация которого может быть основана на равенстве социального, профессионального либо общечеловеческого рода с группой. «Чужак близок нам, поскольку мы ощущаем между ним и нами равенство национального или социального, профессионального или общечеловеческого рода; он далек нам, поскольку это равенство далеко превосходит и нас, и его, и связывает нас [с ним] лишь постольку, поскольку оно связывает вообще очень многих» [6, с. 13]. Зиммель связывает идентификацию этого социального типа с тем, «насколько обширен тот круг, [элементы которого] имеют одинаковый характер» [6, с. 12].

Однако он делает важное замечание о том, что «общее становится менее действенным» и «не обязывает именно эти элементы [вступать в отношение] друг с другом, ибо именно такая одинаковость могла бы привести к общности каждого из них со всеми возможными другими» [6, с. 12].

То есть при идентификации типа именно как чужака акцентируется то, что не является совместным / общим для чужака и группы, типизируя, его воспринимают на ином уровне различия и / или сходства, «когда речь идет о чуждости для данной страны, города, расы и т. д., чужаков выделяет опять-таки не нечто индивидуальное, но их чуждое происхождение, которое обще или может быть общим для многих из них. Поэтому чужаки также воспринимаются, собственно, не как индивиды, но как чужаки некоторого определенного типа вообще, отдаленность по отношению к ним имеет не менее генерализованный характер, чем близость» [6, с. 14].

При изучении чужака Зиммель делает акцент на восприятии его группой, которое и обуславливает особое отношение к нему. Особую значимость в этом процессе приобретают пространственные границы, пересекая их «чужак» входит в социальную группу, взаимодействует в ней, выполняет определенную функцию, но изначально он перешел эту границу, не был в этой группе: «Он фиксирован внутри некоторого круга – пространственного или такого, который определенностью своих границ аналогичен пространственному, но позиция его в этом кругу существенным образом определяется тем обстоятельством, что он принадлежит к нему не с самого начала, что он привносит в него качества, происхождение которых не связано и не может быть связано с этим кругом. То единство близости и удаленности, которое есть в любом отношении между людьми, приобретает здесь вид конstellации, формулу которой самым кратким образом можно представить так: дистанция в отношениях означает, что близкое – далеко, тогда как чуждость означает, что дальнее – близко» [6, с. 9]. Как видим, здесь речь идет о типизации не только как об инструменте восприятия и формирования отношения к Другому, но и как о средстве структуризации социального пространства. А. Филиппов замечает, что группа идентифицирует себя с пространством, поэтому данный социальный тип «именно пространственно чужой» [12, с. 595]. Особенность чужака и в том, что он находится и взаимодействует в том же пространстве, что и группа, и образует с группой единство пространства, в котором они противопоставляются. «Пространство, занимаемое некоторой общественной группой, мы воспринимаем как единство, причем единство пространства настолько же выражает единство группы, насколько и, напротив, единство группы оказывается основанием единства пространства» [12, с. 594].

Единство включенности в группу и одновременно внеположенности обуславливает специфическое восприятие данного социального типа. По Зиммелю, при взаимодействии с «чужаком» чуждость является особой определяющей формой взаимодействия: «Чужак есть элемент самой группы, точно так же, как бедные и многообразные «внутренние враги» – элемент, чья имманентность группе, положение члена группы одновременно включает в себя внеположенность и противоположность ей» [6, с. 9]. Кроме того, как уже отмечалось в исследовании творчества Зиммеля, именно критерий «чуждости» создает предпосылки для социальных различий, поскольку группа самостоятельно устанавливает границы, определяющие набор социальных практик и моделей взаимодействий с группой тех, кто к ней не принадлежит. Эти границы: с одной стороны, ограничивают то, что находится внутри группы, ее единство и солидарность; с другой – препятствуют сближению чужака с группой, проникновению его во внутреннюю систему взаимодействий [8, с. 24].

«Чужак» воспринимается более абстрактно, чем член своей группы. При восприятии подразумеваются только определенные, более общие качества и нивелируются индивидуальные. Во взаимоотношениях с чужаком присутствует чувство холодности и случайности, отчуждения, обесценивание уникальности и ценности отношений с ним и обесценивание именно этого человека – «чужака», с которым происходит это взаимодействие.

Такое абстрактное восприятие чужака противопоставляется более тесным связям группы, которые «строятся на равенстве специфического различия в противоположность просто всеобщему» [6, с. 12], что является общим для самоидентификации членов группы с самой группой. Зиммель замечает, что «этой схеме, хотя и очень по-разному, следуют вообще все отношения, коль скоро они имеют характер межличностных» [6, с. 12].

Такая отстраненность чужака позволяет рассмотреть этот тип и как маргинальный. Анализ С. Баньковской показал, что описание чужака у Зиммеля следует функционалистской традиции определения маргинала, которого характеризует недостаток участия в разного рода социальных институтах и социальных взаимодействиях, то, что в современной социологии называется эксклюзией [1].

По Зиммелю, чужак более объективно воспринимает, понимает и оценивает происходящее. Пропорциональное соотношение близости и удаленности, передают чужаку характер объективности и, тем самым, чужак более свободен, «он более беспристрастно способен обозреть существующие отношения и дать им оценку в соответствии с более общими, более объективными идеалами, он в своих действиях не связан привычкой, благоговением, прошлыми [отношениями]» [6, с. 11-12].

Таким образом, Зиммель изучает процесс типизации, прежде всего, в контексте взаимодействия с Другим. Шюц существенно расширяет этот подход. Для него типизация имеет основополагающее значение в процессе осознания реальности. Типизация является основой восприятия всех объектов, формирования схем знания, схем поведения, и лишь в более узком значении – способом типизации других индивидов и самотипизации. Шюц рассматривает чуждость не просто как способ охарактеризовать позицию индивида в социальном пространстве, а как инструмент интерпретации мира в целом – «Чуждость и знакомость не ограничиваются социальной сферой; это общие категории нашей интерпретации мира» [14, с. 547]. У Шюца акцент переносится на восприятие самого чужака – восприятие новой группы, нового культурного образца, новой системы знания.

В то же время Шюц развивает и тему различия чужака и группы. По Зиммелю, чужак все-таки является членом самой группы, образуя при этом как единство «оторванности от всякой данной точки в пространстве», так и «закрепленности», которое и определяет особое отношение к нему и является основанием для противопоставления. Зиммель замечает, что «со всей своей неорганичной приспособленностью чужак есть все-таки органический член группы», своеобразное единство этого положения состоит из «известной степени близости и удаленности» [6, с. 14]. «Группа и чужак разнородны, в целом же они образуют некое более широкое единство, в котором необходимо принимать во внимание обе стороны» [12, с. 595]. В интерпретации Шюца проблема для чужака состоит в том, что, сближаясь с неродной группой, он еще не находится в центре, не занимает определенный статус, нет исходной точки, определяющей его координаты. То есть ключевым, типизирующим моментом является наличие определенного статуса (по Зиммелю –

«определенное место») – «любая схема ориентации предполагает, что каждый, кто ею пользуется, смотрит на окружающий мир как на мир, сгруппированный вокруг него самого, находящегося в его центре... только члены мы-группы, имеющие определенный статус в ее иерархии и, кроме того, сознающие его, могут использовать ее культурный образец как естественную и заслуживающую доверия схему ориентации» [14, с. 542].

По Зиммелю, для чужака определяющим становится то, что он изначально не входил в эту группу. Шюц также выделяет этот факт как определяющий, и дополняет его тем, что проблема для нового члена группы – чужака, состоит в том, что эта новая группа не была изначально родной группой, индивид не воспитывался в ней, у него нет общей с ней истории, нет соответствующего опыта и он не обладает культурным образцом неродной группы. Шюц проводит аналогию чужака с неофитом, аутсайдером и дополняет образ чужака понятием культурного образца (родной) группы, в рамках которого мыслит индивид, и который соответствует определённой системе знаний и системе релевантности.

Зиммель в своей концепции показывает соответствие культуры и ее носителя, общества и личности, и по сути, уже обозначает как культурный идеал личности, так и процессы инкультурации и интернализации. Развивая это направление, Шюц с помощью понятия культурного образца личности показывает несоответствие чужака с неродной группой и делает акцент на этом различии. Основным отличием и проблемой чужака является то, что он не обладает культурным образцом (pattern) неродной группы. Поэтому «культурный образец неродной группы является для чужака не уютным убежищем, а полем приключений, не самоочевидной данностью, а проблематичной темой исследования, не инструментом разрешения проблематичных ситуаций, а самой настоящей проблематичной ситуацией, с которой ему нелегко совладать» [14, с. 546].

Процесс вхождения в такую группу происходит сложно, и чужаку практически невозможно стать полноценным членом неродной группы, так как «культурный образец и его рецепты образуют единое целое, соединяющее в себе совпадающие схемы интерпретации и самовыражения, только для членов мы-группы» [14, с. 543].

Шюц замечает, что культурный образец может быть полностью усвоен при условии, что

индивид вырос в рамках этого образца. Социализация происходит в родной группе и предполагает усвоение полученного в ней опыта. Закрепленный опытом культурный образец формирует типичные и анонимные ориентации и установки личности, которые являются общими для членов мы-группы, – «член мы-группы схватывает с одного взгляда нормальные социальные ситуации, в которые он попадает, и немедленно вылавливает готовый рецепт, подходящий для решения наличной проблемы. Его действия в этих ситуациях демонстрируют все признаки привычности, автоматизма и полуосознанности. Это становится возможным благодаря тому, что культурный образец обеспечивает своими рецептами типичные решения типичных проблем, доступные для типичных действующих лиц. Иначе говоря, шанс достичь желаемого стандартизированного результата путем применения стандартизированного рецепта вполне объективен, т. е. доступен каждому, кто будет вести себя так, как вел бы себя анонимный тип, предполагаемый соответствующим рецептом» [14, с. 544].

«Для тех, кто вырос в рамках культурного образца, к категории непроблематичных «самоочевидных вещей», дающих ощущение надежности и вселяющих чувство уверенности, относятся не только рецепты и шансы их действенности, но и те типичные и анонимные установки, которых они требуют» [14, с. 545].

Феноменологическая традиция исходит из постулата о том, что полученный индивидом опыт всегда типизирован, типизированы схемы накопленного знания, типизированы рецепты действий, установки и ориентаций индивида. Способность индивида концентрировать свое внимание на необходимом формирует типичное поведение в привычном ему повседневном мире, позволяющее действовать эффективно, а именно – достигать поставленных целей, исходя из жизненных планов. При вхождении индивида в новую группу, попытках сближения с ней индивид оказывается в проблематичной ситуации, в которой он и становится чужаком.

Индивид, движимый различными мотивами, намеревается сблизиться /х очет стать полноценным членом новых социальных групп, и сталкивается с тем, что у него нет соответствующего опыта, и он не располагает релевантной системой интерпретации этого мира. Релевантная система интерпретаций может быть освоена индивидом только в опыте родной для него группы [13, с. 10-11]. Как замечает В. Луков, «рас-

смотрение частной проблемы чужака позволило Шюцу дать стройную концепцию знаниевых оснований повседневной жизни людей, которая фиксирует важнейшие для социологического мышления понятия нормы и отклонения, адаптации, интериоризации культурных образцов, разделения своих и чужих» [9, с. 10]. Анализ ситуации вхождения индивида в новую группу дал возможность Шюцу обнажить проблему кризиса обыденного мышления в ходе освоения новых систем релевантности и схем знания, особенно в связи с тем, что характерными чертами знания являются несвязность, частичная ясность, и противоречивость [14, с. 536].

Как и Зиммель, Шюц считает, что в процессе освоения чужаком новых ролей, статусов происходит становление личности, что связано с освоением индивидом культурного образца той группы, в которую он намеревается вступить. Актуализация проблематики освоения различных культурных образцов связана с возрастающей индивидуализацией личности, о которой говорил Зиммель.

У Шюца тип «чужой» рассматривается преимущественно на микроуровне. Исследуя характерные различия между чужаком и членом группы, с которой чужак намеревается сблизиться, Шюц показывает, что позиция «чужого» является типичной в повседневном взаимодействии. Хотя наиболее ярким примером «чужака» выступает иммигрант, универсальность типа «чужак» в том, что он применим к практически любому взрослому индивиду, который пытается сблизиться с новой социальной группой: «Претендент на вступление в члены закрытого клуба, предполагаемый жених, желающий быть допущенным в семью девушки, сын фермера, поступающий в колледж, обитатель города, поселяющийся в сельской местности, «призывник», уходящий на службу в армию, семья рабочего оборонной отрасли, переезжающая в быстро растущий промышленный город, – всё это, согласно только что данному определению, чужаки, хотя в этих случаях типичный «кризис», переживаемый иммигрантом, может принимать более мягкие формы или даже вовсе отсутствовать» [14, с. 533]. Тот же подход реализует и Зиммель, который обозначает типичность позиции «чужого» как тенденцию и показывает ее через анализ индивидуализации и процесса увеличения социальных кругов / групп, в которые входит индивид.

Причина объективности чужака, как замеча-

ет Шюц, еще и в том, что он претерпевает кризис своего «привычного мышления». «Более глубокая причина его объективности кроется, однако, в его горьком переживании узости и ограниченности «привычного мышления», научившем его, что человек может потерять свой статус, свои жизненные ориентиры и даже свою историю и что нормальный образ жизни всегда гораздо менее незыблем, чем кажется» [14, с. 546].

У Шюца, в отличие от Зиммеля, чужестр рассматривается не только в пространственном, но и во временном измерении. В работе «Возвращающийся домой» А. Шюц показывает, что чужестр может возникать и в родной группе. Уже и «дом» чужак воспринимает как чужой и непривычный, да и сам «возвратившийся домой» воспринимается дома тоже по-другому, «вернувшийся человек уже не тот: ни для себя, ни для тех, кто ждал его возвращения» [15, с. 555].

Обратимость внутреннего времени, как замечает Шюц, при получении нового опыта играет основополагающую роль для человека. Полученный опыт не был разделен с теми, кто находился дома, и не учитывается при возобновлении отношений в мы-группе. С полученным опытом чужак попытался получить, если не закрепить полностью, новую систему знаний и релевантности, соответствующие другой реальности и требующей других ориентаций и установок. Этот новый, неразделенный со своей группой, опыт не может иметь одинаковое значение / смысл для возвратившегося домой и для его «родной» группой. «Несоответствие между уникальностью и важностью, которые отсутствующий приписывает своему опыту, и псевдотипизацией его людьми, оставшимися дома и приписывающими этому опыту псевдорелевантность, является одним из величайших препятствий для взаимного возобновления мы-отношений» [15, с. 554].

Заложенные Зиммелем и развитые Шюцем представления о социальной типизации личности как об универсальном процессе структурирования социальной реальности получили в социологии дальнейшее развитие не только в рамках структурно-функционального подхода или феноменологической перспективы. Они по-новому зазвучали в постмодернистском дискурсе.

Например, З. Бауман выделил целую группу типов, восходящих к типу «чужака» Г. Зиммеля. Они стремятся завоевать новое место, но, в отличие от «чужого» Зиммеля, потеряли надежду завоевать его или постичь «культурный образец»

Другого неродной группы как в обозначении А. Шюца. Их задача – просто вовремя сменить это «чужое» место: «Куда бы ни шел бродяга, он везде чужой; он нигде не будет «здесьним», «местным», «пустившим корни в землю» (слишком свежо воспоминание о его появлении – вернее, о том, что раньше он был где-то еще). Лелеять надежду на обретение малой родины, значит кончить взаимными обвинениями и обидой. Поэтому лучше не прирастать к месту» [2].

3. Бауман выделяет новые типы «Другого»: «фланер, бродяга, турист и игрок. Все они подвижны неприятием всякой привязанности, фиксированности, что и составляют метафору стратегии постмодерна. «Во-первых, стили, которые некогда вели маргиналы в своих обочинных хронотопах, теперь практикует большинство в основное время своей жизни и в местах, расположенных в центре жизненного мира; они поистине превратились в стили жизни. Во-вторых, выделение четырех типов не подразумевает возможности выбора или/или — жизнь постмодерна слишком беспорядочна и бессвязна, чтобы уложить ее в одну стройную модель» [2].

Постмодерн перевернул соотношение «мещан» или «поместных» и бродяг, замечает З. Бауман. «Сейчас почти не осталось оседлых мест. «Навеки осевшие или помещенные» жители пробудились, стали перемещаться, чтобы найти «свое» место – место на земле, место в обществе, место в жизни, которые больше не существуют или не принимают их» [2].

Вальдельфейс указывает на проникновение чужести в свои, в нас самих, такое перемещение переопределяет / трансформирует само понятие чужести, – «чужим оказывается все и ничто». Такое проникновение размывает категории Своего / Чужого, – «Нет более ничего с чем контрастирует Чужое. Из своистою мы также лишились чуждости» [4, с 21].

Выводы

Таким образом, мы можем проследить как тип «чужак», обозначенный и первоначально разработанный Г. Зиммелем, трансформируется и развивается в феноменологическом подходе А. Шюца.

Зиммель выделяет тип чужака как универсальный инструмент типизации. Схемы при взаимоотношении с «чужаком» характеризуются обезличиванием индивидуального при восприятии Другого и являются определяющими / характерными при взаимоотношении в ходе культурно-исторического развития. В ходе

социально-исторического развития происходит: рост индивидуализации, увеличение количества групп, расширение пространственных координат, в которые входит и взаимодействует индивид. Изменения, на которые указывает Зиммель, актуализируют универсальность типа «чужак», и, как следствие, характеризуются особым восприятием Другого, возрастающим отчуждением одного индивида от другого, обезличиванием индивидуального при взаимодействии.

Как и Зиммель, Шюц рассматривает чуждость как инструмент интерпретации мира в целом. Он вводит в обсуждение проблемы чужого понятие «типичной ситуации», что позволяет увидеть новые возможности применения универсального инструмента типизации в межличностных отношениях. Речь идет о ситуациях, в которых оказывается практически каждый взрослый в ходе освоения новых ролей, статусов, попыток сблизиться с неродной группой (либо возобновить взаимоотношения с родной группой).

Как и Зиммель, Шюц показывает, что позиция «чужого» является типичной в повседневном взаимодействии, но связывает ее прежде всего с проблемой кризиса привычного мышления, сложным процессом освоения новых систем релевантности и схем знания при вхождении индивида в новую группу. При этом исследуются характерные различия между чужаком и членом группы / группой, с которой чужак намеревается сблизиться.

Если Зиммель делает акцент на восприятии группой чужака, то Шюц сосредотачивает внимание на восприятии самого чужака – восприятии культурного образца чужой группы, проблеме освоения нового знания, и самовосприятия.

Оба теоретика указывают на объективность чужака, считая, что такое более объективное восприятие Другого, группы, реальности и происходящего расширяет диапазон свободы индивида.

У Зиммеля типизация «чужого» связана с пространственными координатами. Чужак пересекает границы группы, но он не закреплен в этом пространстве, одновременно совмещает близость и удаленность. Чужак образует единство с группой, но вместе с тем противопоставляется ей. Шюц дополняет такую незакрепленность чужака в пространстве отсутствием определенного статуса в группе.

Позиция «чужого» у Шюца отражает не только положение в пространстве, но и во времени. В

процессе попытки освоения культурного образа чужой группы, попытки преодоления кризиса привычного мышления, в результате получения нового опыта происходят изменения в восприятии Другого, «дома» и самовосприятии. По сути, преодоление оснований, по отношению к которым применимо само понятие чужести, как тенденция намечено уже Шюцем. Во временных координатах изменяется и восприятие всего того, что было ранее для индивида своим, «домом». Неразделенный с «родной» группой опыт не может иметь одинаковое значение / смысл для возвратившегося домой и для его «родной» группы. В дальнейшем развитие представлений о типе «чужак» в контексте проблемы успешной и неуспешной первичной социализации получит свое развитие в концепции Бергера, Лукмана. В их концепции процесс интернализация «дома» происходит при первичной социализации, а его

переинтерпретация в процессе последующих социализации.

В постмодернистском дискурсе предметом обсуждения становится сама чуждость. З. Бауман показывает как возможно ее преодоление. В выделенных им жизненных стратегиях индивида прослеживается отказ от четких структурных позиций. Зиммелевская форма чужого мимикрировала в текущей реальности и обрела легитимность через легитимацию самого процесса переходности из круга в круг. Такое постоянное перемещение и изменения характерны для индивида в современном обществе. Таким образом, преодолеваются сами категории чужого / чуждость, так как утрачиваются противоположные ей основания своего / «дома», по отношению к которым они могут быть применимы и с помощью которых происходит идентификация, типизация и самотипизация личности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баньковская С. П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности / С. П. Баньковская // Отечественные записки. – 2002. – № 6.
2. Бауман З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 133-154.
3. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б. Вальденфельс // Логос. Философско-литературный журнал. – 1995. – № 6. – С. 77-94.
4. Вальденфельс Б. Топографія Чужого: студії до феноменології Чужого / Б. Вальденфельс. – Київ: ППС – 2002, 2004. – 206 с.
5. Гусак В. В. Проблема социальной типизации личности в социологическом наследии Г. Зиммеля / В. В. Гусак // Габітус. – 2018. – Вип. 5. – С. 5-11.
6. Зиммель Г. Эскурсы о чужаке. Социологическая теория: история, современность, перспективы / Г. Зиммель // Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 9-14.
7. Зарова Е. Д. Образ «Другого» в становлении цивилизационной идентичности: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. / Е. Д. Зарова. – Саратов, 2009. – 20 с.
8. Краснопольская И. И. Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля / И. И. Краснопольская, Г. С. Солодова // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 24-35.
9. Луков В. А. Проблема чужака в социологии (у истоков тезаурусного подхода) / В. А. Луков // Тезаурусный анализ мировой культуры. – 2008. – Вып. 16. – С. 3-11.
10. Пахолова И. В. Социокультурный опыт «чужого»: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Самара, 2010. – 20 с.
11. Пахолова И. В. Опыт «чужого» в респонзивной феноменологии Б. Вальденфельса / И. В. Пахолова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2008. № 1. – С. 11-19.
12. Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля / А. Ф. Филиппов // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С. 569-599.
13. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 7-50.
14. Шюц А. Чужак. Социально-психологический очерк / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 533-549.
15. Шюц А. Возвращающийся домой / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 550-556.
16. Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности / Е. Р. Ярская-Смирнова. – Саратов: Саратов. гос. тех. ун-т, 1997. – 272 с.

REFERENCES

1. Bankovskaya, S.P. (2002). Chuzhaki i granitsy: k ponyatiyu sotsialnoy marginalnosti [Strangers and borders: to the notion of social marginality]. *Otechestvennye zapiski*, 6 [in Russian].
2. Bauman, Z. (1995). Ot palomnika k turistu [From the pilgrim to the tourist]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 4, 133-154 [in Russian].
3. Valdenfels, B. (1995). Svoya kultura i chuzhaya kultura. Paradoks nauki o «Chuzhom» [Its culture and foreign culture. The paradox of the science of «Alien»]. *Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal*, 6, 77-94 [in Russian].
4. Valjdenfeljs, B. (2004). *Topografija Chuzhogho: studiji do fenomenologhiji Chuzhogho [Alien Topography: Studios to the Phenomenology of Alien]*. Kyiv: PPS – 2002[in Ukrainian].
5. Gusak, V.V. (2018). Problema sotsialnoy tipizatsii lichnosti v sotsiologicheskoy nasledii G.Zimmelya [The problem of social typing of the personality in the sociological heritage G. Zimmel]. *Gabitus* 5, 5-11 [in Ukrainian].
6. Zimmel, G. (2008). Ekskurs o chuzhake. Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost, perspektivy [Excursion about the stranger. Sociological theory: history, modernity, perspectives]. *Almanakh zhurnala «Sotsiologicheskoe obozrenie»* (pp. 9-14). St. Peterburg: Vladimir Dal [in Russian].
7. Zarova, Ye.D. (2009). Obraz «Drugogo» v stanovlenii tsivilizatsionnoy identichnosti [The image of «Other» in the formation of civilizational identity]. *Extended abstract of Candidate's thesis*. Retrieved from <http://cheloveknauka.com/obraz-drugogo-v-stanovlenii-tsivilizatsionnoy-identichnosti>
8. Krasnopolskaya, I.I., & Solodova, G.S. (2012). Vospriyatie chuzhaka gruppoy v sotsiologii G. Zimmelya [Perception of a Stranger by a Group in the Sociology of G. Simmel]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 4, 24-35 [in Russian].
9. Lukov, V.A. (2008). Problema chuzhaka v sotsiologii (u istokov tezaurusnogo podkhoda). [The Problem of a Stranger in Sociology (at the Origins of the Thesaurus Approach)]. *Tezaurusnyy analiz mirovoy kultury*, 16, 3-11 [in Russian].
10. Pakholova, I.V. (2010). Sotsiokulturnyy opyt «chuzhogo» [Sociocultural experience of «someone else's»]. *Extended abstract of Candidate's thesis*. Retrieved from <http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnyy-opyt-chuzhogo> [in Russian].
11. Pakholova, I.V. (2008). Opyt «chuzhogo» v responzivnoy fenomenologii B.Valdenfelsa [The Experience of the «Other» in the Responding Phenomenology of B. Waldenfels]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 1, 11-19 [in Russian].
12. Filippov, A.F. (1996). Obosnovanie teoreticheskoy sotsiologii: vvedenie v kontseptsiyu Georga Zimmelya [Substantiation of theoretical sociology: introduction to the concept of Georg Simmel]. *Georg Zimmel. Izbrannoe. Sozertsanie zhizni. Vol. 2*, (pp. 569-599). Moscow: Yurist [in Russian].
13. Shyuts, A. (2004). Obydennaya i nauchnaya interpretatsiya chelovecheskogo deystviya [The ordinary and scientific interpretation of human action]. *Alfred Shyuts. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom*, (pp. 7-50). Moscow: ROSSPEN [in Russian].
14. Shyuts, A. (2004). Chuzhak. Sotsialno-psikhologicheskii ocherk [The Stranger. Socio-psychological essay]. *Alfred Shyuts. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom*, (pp. 533-549). Moscow: ROSSPEN [in Russian].
15. Shyuts, A. (2004). Vozvrashchayushchiy domoy [Returning home]. *Alfred Shyuts. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom*, (pp. 550-559). Moscow: ROSSPEN [in Russian].
16. Yarskaya-Smirmova, Ye.R. (1997). *Sotsiokulturnyy analiz netipichnosti [Sociocultural analysis of atypicality]*. Saratov. Sarat. gos. tekhn. un-t [in Russian].

Гусак Виктория Владимировна

Аспирантка

Институт социологии Национальной академии наук Украины
01021, Киев, ул. Шелковичная, 12

Gusak Viktoriya

Postgraduate student

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine
12, Shovkovychna Str., Kyiv, 01021, Ukraine

Email: Gusak.vika@gmail.com

Цитування: Гусак В. В. Методологічні підходи к изучению социального типа «чужак» в наследии Г. Зиммеля, А. Шюца / В. В. Гусак // Науково-теоретичний альманах «Грані». – 2018. – Т. 21. – № 8. – С. 20-29.

Citation: Gusak, V.V. (2018). Metodologicheskie podhody k izucheniyu sotsialnogo tipa «chuzhak» v nasledii G. Zimmelya, A. Shyutsau [Methodological approaches to studying social type 'the stranger' in the heritage of G. Simmel, A. Schutz]. *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, 21(8), 20-29.

Стаття надійшла / Article arrived: 02.08.2018

Схвалено до друку / Accepted: 16.08.2018